

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает Однажды...»

Говорят, каждый настоящий мужчина в жизни должен сделать три дела: посадить дерево, построить дом и воспитать сына. За всю свою молодость и учебу в Иркутском военном авиационно-техническом училище мой отец высадил такое количество деревьев, что их бы хватило на целый парк, названный его именем. Дом, в котором он вырос, бесконечно достраивался и ремонтировался, что, безусловно, стало причиной многих познаний в области строительства. Через год после свадьбы с мамой родился я, его единственный сын. В свои двадцать четыре года он выполнил все дела настоящего мужчины и по праву гордился этим званием. Однако сохранить этот статус от не сумел, потому как самое главное испытание на стойкость характера, силу воли и крепость духа, так необходимые настоящему мужчине, он так и не прошел.

Окончив училище с одной четверкой, отец мечтал летать. Он был спортсменом, общественным активистом, прыгал с парашютом и грезил небом. Командование авиационной части, где он служил после окончания училища, разрешило ему в виде исключения экстерном сдать экзамены. Через год отец должен был стать летчиком-истребителем. Но с приходом к власти в Советском Союзе Никиты Сергеевича Хрущева вооруженные силы были сокращены на полтора миллиона человек, среди них оказались пятьсот тысяч офицеров. Авиационную часть, где служил отец, сократили. При формировании ракетных войск ему, как обладателю технического образования, предложили остаться на службе в ракетной части либо идти на гражданку. Отец остался на службе, но никогда больше не садился за штурвал самолета, что стало настоящей трагедией для нашей семьи и него самого.

С раннего детства я слышал его разговоры про небо. Он часто подхватывал меня маленького на руки и шел на «боевое задание»: «Истребители стоят под открытым небом. Их кабины укрыты брезентом. Экипажи ждут команды!» «По масынам», — картавя, отвечал я. Отец поднимал меня еще выше, ждал, пока я расправлю руки, словно крылья, начинал меня кружить, издавая звуки, похожие на шум мотора самолета. Устав от «полета», мы падали на софу, стоящую в большой комнате. Я заливался смехом, а глаза отца наполнялись тоской.

Став старше, я начал замечать, что отец часто после службы стал приходить навеселе. В таком состоянии он иногда пытался со мной поиграть. Все чаще, приходя домой в

пьяном угре, снимал свою форму и с остервенением вытирал об нее ноги. Потом декламировал выдержки из инструкции по воздушному бою истребительной авиации и засыпал.

Мама тихонько плакала, просила не обижаться на папу, пыталась мне объяснить, что отец хороший, но несчастный человек. Юношей я смотрел на небо и не мог понять, что может быть волшебного в этом бескрайнем голубом полотне. Мое сердце больше занимала морская стихия. Волны, готовые поглотить все, что встретят на своем пути, гладь воды, отражающая солнечный свет, дарящая умиротворение, не шли ни в какое сравнение с большими тучами, перистыми облаками и прочими малоинтересными явлениями, изучаемыми на уроках природоведения. Самой достойной и красивой одеждой настоящего мужчины я считал форму военно-морских офицеров. Черная как уголь фуражка, украшенная золотистой кокардой с изображением якоря, кортик, белые перчатки приводили меня в восторг. Но отец видел во мне лишь военного летчика. Среди моих игрушек были только самолетики и солдатики, одетые в летную форму. Мои желания его не интересовали. Пытаясь объяснить, что я хочу стать морским офицером, слышал лишь в ответ: «Чем опытней пилот, тем мягче и красивее его посадка. Летчика определяют именно по ней. Сынок, тебе непременно нужно «пощупать» облака». Иногда мне казалось, что я разговаривал с глухим человеком. О море он вообще слушать не хотел. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, стал хлопотать за меня о поступлении в высшее летное училище. Обладая таким же упрямым характером, я заявил, что сбегу из дома, но летчиком не стану.

Тем же вечером отец напился сильнее обычного и впервые ударил маму по лицу. Он кричал на нее, обвинял в плохом воспитании сына, говорил, что ненавидит всех нас за то, что мы испортили ему жизнь. Его слова ранили мою душу. За боль, причиненную маме, я чувствовал, как во мне начинают пробиваться ростки ненависти к человеку, которого я когда-то любил всем сердцем.

С тех пор жизнь в доме стала просто невыносимой. Отец пил, устраивал скандалы, требовал моего согласия на учебу в летном училище. Но я не собирался отступать от своей мечты и не сдавался. Спасением стали командировки отца. Когда он уезжал на несколько дней, в доме наступала приятная тишина. Я просил маму развестись с отцом, обещал, что, окончив в военно-морское училище, буду высылать ей деньги на проживание. Мама, грустно улыбалась, гладила меня по голове и говорила, что отец скоро свыкнется с моим решением стать «властителем» морей и океанов, просто ему для этого нужно время...

К моменту моего отъезда в доме действительно стало тише. Но отец всячески противился моему поступлению в военно-морское училище. Поддержку и помощь я получал только от мамы.

Позже из писем я узнал, что у отца появилась другая женщина. Мама измену простить не смогла, и, когда я перешел на третий курс, они развелись. Отец несколько раз пытался вернуться, просил прощения, со мной старался наладить отношения. Мама отца обратно не приняла, но общаться нам не запрещала. Мне хотелось рассказать ему о своей учебе, новых друзьях, преподавателях, достойных уважения, своих успехах. Но отец очень болезненно пережил развод и общение со мной прекратил. На четвертом курсе в высшем военно-морском училище в каникулярном отпуске я все же решился встретиться с отцом и поговорить на прощание.

К моему удивлению, отец принял меня доброжелательно. Он накрыл стол, угостил чаем с пирожными. Сказал, что женился на той женщине, про которую мама нечаянно узнала. Он отметил, что военно-морская форма мне невероятно идет. Узнав, что наше училище участвует в параде на Красной площади в честь очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции он достал из комода пару форменных теплых белых перчаток и вручил их мне со словами: «Возьми теплые перчатки. На тренировках к параду пригодятся. Октябрь в Москве холодный. Вы же будете целый месяц тренироваться и жить в палатках». Потом вдруг замолчал на несколько секунд и сказал, что если бы он стал летчиком, все в жизни сложилось бы по-другому. «Я никогда не забуду свой первый полет, – продолжил он. – Эйфория – это мягко сказано. Когда я впервые увидел, что отрываюсь от земли, это было смешанное чувство: и свобода, и страх, и интерес, и ни с чем не сравнимое возбуждение. Ты отрываешься и понимаешь, что от тебя уходят все проблемы, которые мучили на земле, какие-то неурядицы. В воздухе ты – другой человек, но мои крылья сломали на взлете. Надеюсь, твоя судьба будет счастливее моей, служи, сынок, так, чтобы я гордился тобой». Накопленные обиды, годы скандалов, пьянства и упреков не позволили мне тогда обнять отца. Учтиво поблагодарив за угощения, я взял перчатки и отправился на вокзал.

После окончания учебы я получил распределение на Тихоокеанский флот. Моей мечтой стала служба на крейсере. Я должен был прибыть в город Владивосток. Добраться до края земли тогда можно было лишь с промежуточными пересадками. Транзитный авиабилет продавался военным служащим без указания конкретного посадочного места в самолете. С таким билетом пассажир имел право идти на посадку, и в том случае, если находилось свободное место, его обязаны были посадить, но если свободных мест не было, можно было застрять на несколько дней. Транзитный билет позволял гарантированно получить место в гостинице при аэропорте за плату, так как путешествие могло затянуться надолго. В тот год в киевском аэропорту Жуляны очередь на посадку

из выпускников военно-морских и сухопутных училищ составляло около 60 человек. Предпочтение отдавалось семейным офицерам с маленькими детьми на руках. Офицеры без транзитных билетов не имели права на гостиницу. Ожидая свободного места, они по семь дней торчали в зале ожидания, комната матери и ребенка в аэропорту была переполнена. В этом аду, заполненном детскими криками, говором людей, запахом еды, было невозможно находиться, и я решил найти другой путь, чтобы попасть на нужный рейс.

Я стал наблюдать за контрольно-пропускным пунктом для личного состава экипажей самолетов. Летный состав проходил инструктаж перед вылетом в специальном помещении. За три с половиной часа до планируемого отлета нужного мне рейса я отправился на КПП, чтобы найти свой экипаж и попробовать договориться, чтобы меня взяли на борт авиалайнера. Увидев молодого офицера в черной форме, молодые стюардессы стали кокетничать, хихикать. Выбрав самую красивую обладательницу голубой формы, я спросил номер рейса, на котором она работала. Особа представилась Ольгой и сказала, что летит именно на том рейсе, который меня интересовал. Она выслушала мою историю про отсутствие свободных мест и срочную необходимость прибыть во Владивосток для прохождения службы, сказала, что знает, кто мне поможет.

Ольга вернулась в автобус, который привез экипаж на КПП, и через пять минут вернулась под ручку с высоким седым возрастным мужчиной в красивой форме. Подойдя ко мне, мужчина протянул руку и представился Николаем Васильевичем, командиром авиалайнера. «Сынок, зачем ты летишь во Владик?» – спросил он. «Служить на крейсере, название которого я пока не знаю», – ответил я. «Мой сын служит на крейсере «Адмирал Зозуля» в Североморске, я помогу тебе вырваться из Киева, но тебе придется просидеть четыре часа на небольшом откидном стульчике в нашей кабине. А прибыв в Барнаул, думаю, мы сможем отыскать тебе местечко в салоне самолета». За годы учебы я забыл слово «комфорт», поэтому с легкостью мог пережить любые неудобства. Подхватив небольшой чемодан, я отправился вслед за Николаем Васильевичем.

Вместе с экипажем нас подвезли к первому трапу, по которому мы поднялись в самолет. Мой чемодан поставили в шкафчик, предназначенный для членов экипажа, и усадили на откидное кресло в кабине самолета. Из вежливости бортинженер спросил, какое военное училище я окончил и по какой специальности. Мой ответ, что окончил я Черноморское высшее военно-морское училище и теперь являюсь специалистом по ракетному вооружению надводных кораблей, заставил его произнести глубокомысленное: «А-а-а-а», – что, видимо, свидетельствовало об уважении всего экипажа к ракетам надводного флота и, полагаю, лично ко мне. Перед взлетом

командир авиалайнера сказал старшей бортпроводнице, уже знакомой мне Ольге, чтобы она сделала мне кофе как для него. По вкусу я понял, что в чашку с ароматным напитком была добавлена ложечка уссурийского или рижского бальзама либо коньяка.

ТУ-154 оторвался от земли в назначенные 22:00. Никогда прежде я не бывал в кабине самолета. Помимо огромного количества всевозможных приборов, я восхитился видом из кабины. Сидя на одном месте, можно было увидеть, что происходит вокруг. Сначала ты тонешь в огнях полосы, потом города, а после погружаешься в мир звезд. Тебе кажется, будто, протянув руку, ты сможешь их потрогать. Николай Васильевич, заметив восхищенное выражение моего лица, усмехнулся и сказал, что так всегда бывает в первый раз, но даже к звездам со временем привыкаешь. Я вдруг вспомнил отца, мне впервые стало его искренне жаль. Увидев однажды эти чудеса, всем сердцем обожая небо, наверное, сложно остаться счастливым, когда тебя всего этого лишили.

Через час управление самолетом перевели в режим «автопилот», экипаж, кроме бортинженера, погрузился в сон. Я тоже не спал, несмотря на то, что продолжительная нервная суэта аэропорта меня изрядно утомила. Незнакомые ранее ощущения, волнение, воспоминания об отце, о том, как холодно с ним простился после трех лет разлуки, не давали покоя. Лишь перед посадкой я немного вздремнул.

Большая часть пассажиров вышла в Барнауле и мне смогли зарезервировать место в салоне. Из Барнаула до Владивостока я уже летел в салоне вместе с остальными пассажирами.

При выходе из самолета командир подошел ко мне, пожал руку и пожелал удачи, второй пилот и бортинженер проделали то же самое. Пассажиры смотрели на меня удивленно. В их глазах читалось: «Чего это вдруг салаге лейтенанту была оказана такая честь?» Город Артем, где располагался аэропорт, встретил меня духотой и липким туманом.

Я получил распределение служить на крейсере «Варяг», базирующемся в бухте Абрек залива Стрелок в поселке Тихоокеанский (ныне город Фокино), в ста километрах на север от Владивостока. Через два года отправился в свой первый отпуск, чтобы навестить родителей. Мне хотелось повидаться с отцом, рассказать о своих ощущениях, стать к нему ближе, но моим планам не суждено было сбыться. Почти сразу после моего отъезда к месту службы отец умер. Врачи сказали – оторвался тромб. Новая супруга о его смерти решила нам с мамой не сообщать. Думаю, она сильно ревновала отца к маме

и ко мне. Молчание отца я расценивал как обиду, не зная, что его просто больше нет на этой земле. Мне так и не удалось рассказать ему о куполе черного волшебного неба, в который невозможно было не влюбиться, объяснить, что я понимаю его боль и сожалею о нашей размолвке.

Своего сына я назвал в честь отца. Мама так и не вышла больше замуж. Она стала жить с моей семьей, наблюдая, как растет ее единственный внук. Когда Никитка впервые попросил купить ему самолетик, мама даже расплакалась. Со временем сынок серьезно заинтересовался авиацией и после окончания школы поступил в летное училище, чем, безусловно, гордился бы его дедушка. Морская стихия Никиту не захватила, в нашем доме разговоры ведутся исключительно про небо. С сыном я не спорю, внимательно слушаю о его единственном увлечении, свои интересы не навязываю, но втайне мечтаю о внуке, которого обязательно увлеку морем...

Ариша ЗИМА